

спокойно наслаждаться обществом друг друга.

Но тут на сцене появилось еще одно действующее лицо, которого никто никак не ожидал. Дело в том, что, помимо графини Шрюсбери, существовал и граф, который до сих пор пребывал в полном неведении относительно походов своей леди; но в этот раз открытые разговоры о сладкой парочке дошли и до его ушей. Понятно, что любые увещания в адрес жены были бесполезны, так что граф сразу перевел свое внимание на герцога и послал к нему своих друзей, сэра Джона Тэлбота и благородного Бернарда Говарда (сына герцога Арундельского) с требованием сатисфакции. Ему не было отказано, и для противостояния этим двум господам на дуэли его светлость выбрал сэра Дж. Дженкинса и мистера Холмса. Король Карл прослышал о предстоящем и, полный решимости не допустить кровопролития, приказал «милорду генералу» Альбемарлю приставить к герцогу Бэкингеу людей, чтобы удержать того дома; но, похоже, Альбемарль был одного поля ягода с достопамятным шевалье де Сен-Эньяном, потому что хотя и не принял сам участия в дуэли, но приказ своего венценосного повелителя совершенно так же проигнорировал.

Итак, дуэль состоялась, как рассказывает нам Пепис, неподалеку от Барн-Элмс, 16 января 1667 года. Бой оказался почти таким же кровавым, как и первая подобная стычка — сражение миньонов: секунданты оказались вовлеченными в него наравне с самими спорщиками, и все шестеро дрались с яростной ожесточенностью. Бэкингеу в итоге удалось проткнуть правое легкое лорда Шрюсбери так, что кончик шпаги вышел у того из спины под лопаткой. Правая рука сэра Джона Тэлбота была выведена из строя ударом шпаги, вошедшей возле запястья, а вышедшей около локтя, — такие раны заживают очень тяжело, — а несчастный Дженкинс остался лежать на поле боя мертвым. Лорда Шрюсбери унесли домой, и врачи сделали все возможное, но спустя два месяца он все же умер от полученной раны. Друзья погибшего сэра Дженкинса хотели было начать судебное преследование выживших, но король пресек их инициативу в зародыше, издав указ о помиловании всех задействованных персон.

Поговаривали, что леди Шрюсбери лично присутствовала на поле дуэли, переодетая пажом, с поводьями коня герцога Бэкингема в руках.

Глава 22 Колишемард

Вот мы и расстались с леди Шрюсбери и ей подобными, по крайней мере на время, так что давайте теперь пересечем Ла-Манш и посмотрим, чем занимаются наши парижские друзья. Пока мы у себя в Англии предавались кровавым утехам, в этом веселом городе, некогда служившем многолюдной дуэльной площадкой, ныне о дуэлях даже и не слышали. На протяжении долгих семнадцати лет, по крайней мере так утверждает Кампиньель, Людовику XIV удалось беспощадной твердостью подавить всеобщую страсть к частным поединкам, хотя и не искоренить ее до конца. Но по крайней мере, один важный фактор ему удалось изменить. До того не только сами дуэлянты, но и их друзья, приняв участие в дуэли и вернувшись домой победителями, наслаждались уважением друзей и восхищением красавиц; теперь же дело обстояло по-другому. После триумфального возвращения домой победителей ждали слуги закона, которые бросали их в тюрьму, судили и вскоре вешали, как простых воров. Дуэль лишилась своей романтики, так что не зря Филипп Орлеанский цинично бросил: «Мода на дуэли прошла чересчур уж быстро».

Дуэли в старомодном стиле вышли из употребления, секунданты перестали принимать участие в сражении, и зачастую их присутствием стали пренебрегать, как чересчур опасным: если впоследствии выяснялось, что при стычке присутствовали секунданты, то обвинение их в участии в дуэли становилось неминуемым. Однако не следует думать, что благородные дворяне вообще перестали улаживать свои ссоры излюбленным способом. Даже «король-солнце» вряд ли мог запретить человеку со шпагой в руке защищать свою «невинную жизнь» от внезапного нападения. Частные стычки стали еще более частными и стали по-другому